

Глава II

Юбилейные дни.

Вследствие неблагоприятных условий, съ которыми совпалъ юбилей Лермонтова, чествование поэта въ различныхъ городахъ Россіи происходило не только въ октябрѣ, но и въ ноябрѣ и декабрѣ 1914 г.

2-го октября въ Москвѣ были отслужены панихиды по Лермонтову—въ университетской церкви, на высшихъ женскихъ курсахъ, въ зданіи городской думы и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Домъ у Красныхъ воротъ, въ которомъ родился Лермонтовъ, былъ украшенъ флагами и зеленью. Театръ Корша отмѣтилъ годовщину поэта постановкой «Маскарада», Сергіевскій народный домъ—постановкой «Демона». Публики въ обоихъ театрахъ было много. Кружокъ совместнаго воспитанія и образованія дѣтей устроилъ вечеръ, на которомъ С. Н. Дурылинъ прочелъ докладъ—«Лермонтовъ и его судьба». На слѣдующій день въ церкви Трехъ Святителей были отслужены заупокойная литургія и панихида. Храмъ былъ полонъ молящихся; послѣ литургіи о. Колосовъ произнесъ слово, посвященное памяти поэта (см. «Рус. Слово», 1914 г., №№ 227, 228, «100-лѣтіе со дня рожденія М. Ю. Л.—ва»). Въ кинематографахъ, вмѣстѣ съ комическими картинами, въ родѣ такихъ, какъ «Ромео продаетъ собаку» или «Максъ сталъ драматургомъ»,—демонстрировали передѣлку «Маскарада» Лермонтова; попытки заглавія отдѣльныхъ частей: 1-я часть—«Роковой браслетъ», 2-я ч.—«Страшное подозрѣніе», 3-я ч.—«Невинная жертва» (см. «Рус. Слово», 1914 г., № 226, отдѣлъ «Зрѣ-

лища»). Во многихъ лазаретахъ 2-го октября сестры милосердія и артисты московскихъ театровъ читали раненымъ біографію поэта и его произведенія («Повости Дня», 1914 г., № 59, «Лермонтовскій день»). По прошествіи 2 и 3 октября въ Москвѣ состоялось нѣсколько литературно-вокальных вечеровъ. На вечерѣ, устроенномъ московскимъ обществомъ народныхъ университетовъ, Н. Бродскій сдѣлалъ характеристику личности и творчества Лермонтова (см. «Рус. Слово», 1914 г., № 244, «Памяти М. Ю. Л.—ва»). Бродскій же произнесъ слово на торжественномъ засѣданіи памяти Лермонтова въ литературно-художественномъ кружкѣ («Рус. Слово», 1914 г., 17 ноября, «Памяти Л.—ва»). Въ засѣданіи религіозно-философскаго общества С. Дурылинъ прочелъ докладъ «Россія и Лермонтовъ». «Лермонтовъ былъ взятъ докладчикомъ, какъ гениальнѣйшій выразитель русской народной души, какъ тайновидецъ ея сущности и религіи. Въ Лермонтовѣ русское тяготѣніе къ Востоку находитъ свое глубочайшее выраженіе. Но Россія—и Западъ и Востокъ, и Западу и Востоку несетъ она свою правду. Эта правда—покорность божественному началу, и молитва «Да будетъ воля Твоя» есть русская молитва прежде всего¹⁾.

«Докладчику возражали:

«Вяч. Ивановъ не видитъ въ Лермонтовѣ изобразителя народной русской души въ ея богопокорствѣ. Лермонтовъ не преодолѣлъ «узъ Люцифера». Далеки онъ и отъ славянофиловъ и Церкви.

«Кн. Трубецкой находитъ также необходимымъ подчеркнуть, что байронизмъ былъ существенной чертой Лермонтова. Скорѣе Тютчевъ, Пушкинъ могутъ быть названы выразителями русской народной души, чѣмъ Лермонтовъ. Всѣ отмѣченные докладчикомъ религіозные мотивы у Лермонтова суть признаки всякой настроенной религіозно души. Отсюда условность и спорность общихъ выводовъ докладчика о нашей задачѣ на Востокъ и на Западъ.

¹⁾ Последняя мысль впервые развита, какъ извѣстно, въ блестящей статьѣ Ключевского «Грусть».

Докладчик отвечал оппонентам. («Утро России», 1914 г., № 267, «Заседание религиозно-философского о-ва»). Лермонтовский вечер был устроен в Москве обществом любителей российской словесности, «обществом искусств»¹⁾.

В Петрограде огромный интерес вызвала лекция о Лермонтове почетного академика Овсяннико-Куликовского; сбор с этой лекции поступил в пользу лазарета имени Государственной Думы. По отзыву «Утра», «почтенный лектор поставил своей задачей не историко-литературный анализ творчества Лермонтова, а чисто-психологический, и это было сделано мастерски. Охарактеризовав поэта, как одного из великих меланхоликов, представителей мировой скорби, лектор назвал его «Шопенгауэром лирики» и поставил между Пушкиным и Тютчевым в русской литературе и между Байроном и Леоарди в литературе европейской. Параллельно лектор сообщил много интересного и ценного о лирическом творчестве вообще.

«Цитируемые строфы Лермонтова лектор читал с присущим ему умением, с замечным увлечением и подъемом. Вся лекция, прочитанная тепло и изящно, носила скорее характер интимной беседы, чем ученого доклада, и была прослушана с напряженным вниманием.

«А те горячие и единодушные аплодисменты, которыми публика наградила профессора,—аплодисменты, превратившиеся в длительную и шумную овацию,—блестяще доказали, что высшие запросы духа и интересы культуры, искусства, науки могут и должны уживаться с интересами военного времени». (Г. Вяткин. «Петроградская впечатлительность». — «Утро», 1914 г., № 2452).

В музыкально-историческом и драматическом обществе имени гр. А. Д. Шереметева проф. Булич прочел лекцию «М. Ю. Лермонтов и русская музыка». Лектор, указав на отношение поэта к музыке вообще — мало кому известно, что Лермонтов прекрасно играл на

¹⁾ О последнем см. заметку С. Р. «Общество искусств» («Рус. Слово», 1914 г., № 277).

скрипке — и на музыкальность его стиха, остановился на стихотворении «Ангел», а затем выяснил подробно влияние Пушкина и Лермонтова в историческом развитии русской музыки, сделав вывод, что поэзия Лермонтова в сравнении с поэзией Пушкина далеко еще не исчерпана нашими композиторами. Одна из характерных сторон поэзии Лермонтова — демонизм — совершенно не нашла еще себе достойного выражения в музыке, несмотря на то, что за сюжет «Демона» брались четверо композиторов — А. Рубинштейн, Фитингоф, Шель, Направник и Бларамберг». («Речь», 1914 г., № 318).

В Суворинском театре ставилась инсценировка «Героя нашего времени», принадлежащая Буренину. Рецензент «Новаго Времени» говорит: «Мы слушали Лермонтова, мы упивались Лермонтовым. Его чудесная речь звучала со сцены, его незабвенные герои показались при свете рампы; это наслаждение для тех, кто любит русскую литературу». Инсценировка Буренина названа «образцовой»: «каждое слово Лермонтова было сохранено. Спектакль имел успех». («Новое Вр.», 1914 г., № 13859). В следующем номере «Новаго Времени» этому спектаклю была посвящена большая заметка «Вечер Лермонтова» (без подписи). По мнению автора ее, романт Лермонтова очень близок нам и потому так интересует и пленяет нас: «Разве Печорин умер? Разве мы не печоринствуем в восемнадцать лет, сознательно или бессознательно, в пылу ли чистосердечного юношеского романтизма или просто из подражания товарищам, «крайним индивидуалистам»? По мнению рецензента, артисты удачно справились с своими трудными ролями («Нов. Вр.», 1914 г., № 13860). О том же спектакле писал Боцяновский и тоже находил, что Печорин не умер: «Чуть-чуть возмужав, он до сих пор продолжает жить среди нас и нбть-нбть да и возбуждает тину нашей общественной жизни своим святым беспокойством». (В. Боцяновский. «Печорин в Малом театре». — «Бирж. Вѣд.», 1914 г., № 14428, утренний выпуск). По словам Н. Лернера, пьеса Буренина — не передѣлка, а

умѣлое и осторожное извлечение, совершенное опытной рукою». Кое-что скомкано, «но надъ романомъ не произведено никакого насилія, измѣненія въ его остоѣ коснулись только деталей и вызваны необходимыми требованіями театра... Зато сыграны были «сцены» скверно... Постановка небрежная, обстановка бѣдная». (П. Лернеръ. «Герой нашего времени». — *Рѣчь*, 1914 г., № 275). Въ Народномъ домѣ ставили «Маскарадъ»; передъ началомъ спектакля проф. Арабакинъ произнесъ вступительное слово; интересную рецензію Н. Лернера («Маскарадъ» Лермонтова) см. въ *Рѣчи*, 1914 г., № 283.

Ко дню лермонтовской годовщины Н. А. Шаминъ ѣздилъ въ село Тарханы и возложилъ на гробницу поэта два вѣнка — отъ московской городской управы и общества ревнителей памяти Отечественной войны (съ надписью — «Баяну Бородину»); по его свидѣтельству, «не въ примѣръ другимъ мѣстамъ успокоенія русскихъ великихъ людей, могила Лермонтова содержится въ образцовомъ порядкѣ». Какъ передаетъ мѣстный священникъ, крестьяне и интеллигентные люди часто украшаютъ могилу поэта цвѣтами; домъ, въ которомъ нѣкогда жилъ Лермонтовъ, сгорѣлъ въ 1905 г., но по его плану построены новый (см. *Рус. Библиофилъ*, 1914 г., VI, 69; *Извѣстія* т-ва Вольфъ, 1914 г., № 11, 182). Любопытно, что въ настоящее время есть еще отдаленные родственники поэта по прямой линіи, послѣдніе изъ рода Лермонтовыхъ: Эмилія Лермонтова и ея взрослая, глухонѣмая дочь, проживающія въ Харьковѣ; Эмилія Лермонтова, глубокая старушка, никогда не видѣла поэта, не имѣетъ о немъ ни личныхъ воспоминаній, ни его реликвій (см. *Извѣстія* т-ва Вольфъ, 1914 г., № 11, 181 стр.).

Во многихъ провинціальныхъ городахъ были отслужены панихиды по Лермонтовѣ; читались лекціи и устраивались литературно-вокальные вечера; въ театрахъ ставили «Маскарадъ» и инсценировки «Героя нашего времени», въ кинематографахъ показывали передѣлки произведеній поэта и виды Пятигорска съ лермонтовскими уголками.

Въ газетахъ и журналахъ сообщалось, на примѣръ, о за-

сѣданіи въ Кіевѣ историческаго общества Нестора-лѣтописца; съ докладами должны были выступить — проф. Лобода («М. Ю. Лермонтовъ въ потомствѣ») и С. Родзевичъ («Романтическіе мотивы въ лирикѣ Лермонтова»¹⁾); читались лекціи въ Орлѣ (см. *Орлов. Вѣстн.*, 1914 г., № 239), въ Грозномъ (см. *Терекъ*, 1914 г., № 5017), во Владикавказѣ (см. *Терская Жизнь*, 1914 г., №№ 161, 164) и другихъ городахъ. «Маскарадъ» ставился, на примѣръ, въ Кіевѣ (см. Ч—цъ, «Театральныя замѣтки» — *Кіев. Мысль*, 1914 г., № 274), въ Баку (см. *Театръ и Искусство*, 1915 г., № 3, стр. 54), во Владикавказѣ (см. *Терскія Вѣд.*, 1914 г., № 212), въ Ялтѣ (см. *Ялтинскій Вѣстн.*, 1914 г., № 1507).

О юбилейномъ чествованіи поэта см. еще слѣдующія статьи и замѣтки:

Р. В., «М. Ю. Лермонтовъ». (*Тифлискій Листокъ*, 1914 г., № 222).

Грига. «А пророчъ». (*Ялтинскій Вѣстн.*, 1914 г., № 1507)
Г. Хряпинъ, «Послѣ юбилея». (*Петроградскія Вѣд.*, 1914 г., № 223).

Замѣтки неизвестныхъ авторовъ:

«Вечернее Время», 1914 г., № 895 («Столѣтіе со дня рожденія М. Ю. Л.—ва»); «*Пензенскія Вѣдомости*», 1914 г., № 259 («Памяти поэта М. Ю. Л.—ва въ Ольгинскомъ дѣтскомъ приютѣ трудолюбія въ г. Пензѣ»), № 261 («Столѣтіе со дня рожденія М. Ю. Л.—ва»), № 270 («Памяти М. Ю. Л.—ва»); «*Нековскій Голосъ*», 1914 г., №№ 187, 189, 190.

Во многихъ газетахъ упоминается о неожиданномъ, «роковомъ» совпаденіи юбилея Лермонтова съ великой европейской войной; нѣкоторые авторы останавливаются на этомъ вопросѣ. Одни сожалѣютъ, что мы не имѣли возможности торжественно отпраздновать лермонтовскую годовщину, и выражаютъ увѣренность, что по окончаніи войны мы не забудемъ этой годовщины и почтимъ поэта подобающимъ образомъ. Другіе, напротивъ, не сомнѣваются, что

¹⁾ См. «Кіевская Мысль», 1914 г., № 272, стр. 3.

мы и въ мирное время не сумѣли бы чествовать Лермонтова искренно и пышно, указываютъ на то, что знаменитый поэтъ еще не имѣетъ хорошаго памятника, и что деньги на новый памятникъ жертвуются медленно и скудно ¹⁾.

1) См.: „Казанскій Телеграфъ“, 1914 г., № 6400 (Е., „Къ столѣтнему юбилею“); „Новости Дня“, 1914 г., № 59 (Старый, „Юбилейное“); „Петроградскій Курьеръ“, 1914 г., № 248 (И. Василевскій, „Столѣтіе гордой пѣсни“); „Приазовскій Край“, 1914 г., № 257 (А. Саликовскій, „Холодные огни“; К. Народинъ, „Подъ грохотъ пушекъ“); „Терекъ“, 1914 г., № 5017 („Пѣвецъ Кавказа“). См. еще: А. Закржевскій, „Лермонтовъ и современность“, Киевъ, 1915 г., стр. 1, 2.